

Паперна Герасим Абрамович

**Декарт, его жизнь, научная и
философская деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г37

Г37 **Герасим Абрамович П.**
Декарт, его жизнь, научная и философская деятельность / Паперна Герасим
Абрамович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 98 с.

ISBN 978-5-521-27247-1

ISBN 978-5-521-27247-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.	
I. ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСКІЕ ГОДЫ.	5	
Семья. — Смерть матери. — «Маленькій философъ». — Ла-Флешская коллегія. — Воспоминанія Декарта о школьныхъ годахъ. — Жизнь въ Парижѣ. — Душевный переломъ.		
II. ГОДЫ СНИТАЛЬЧЕСТВА.	14	
Волонтеръ нидерландской арміи. — Знакомство съ Бекманомъ. — Розенкрейцеры. — Въ войскахъ католической лиги. — «Чудесное открытіе».		
III. «НѢКАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУНА, СЛУЖАЩАЯ ДЛЯ ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИСТИНЪ ИЗЪ НАНИХЪ УГОДНО ПРЕДМЕТОВЪ».	21	×
Дальнѣйшія скитанія. — Галилей и Декартъ. — Неудачное сватовство. — «Правила о направленіи разума». — Сомнѣнія Декарта и ихъ границы. — Правила практической нравственности. — Возвращеніе въ Парижъ. — Вечеръ у папскаго нунція.		
IV. ВЪ ГОЛЛАНДІИ.	34	
Переселеніе въ Голландію. — «Трактатъ о мірѣ». — Извѣстіе объ осужденіи Галилея и авторитетъ «почитаемыхъ особъ». — Маленькая Францина. — «Разсужденіе о методѣ» и «Опыты». — Полемика съ Ферматомъ.		
V. ФИЛОСОФІЯ ДЕКАРТА.	47	×
1) Метафизика: Сомнѣнія. — «Мысль, слѣдовательно существующая». — Мыслящая и протяженная субстанція. — Безсмертіе души. — Доказательства бытія Божія. 2) Научныя теоріи: Единство и непрерывность матеріи. — Вѣчность энергии. — Вихри. — Физиологія. — Автоматизмъ животныхъ. — Разумная душа.		
VI. ГЛАВА ШКОЛЫ.	63	
Ренер и Регіусъ. — Полемика съ Востомъ и антикартезіанскія волненія въ Голландіи. — «Размышленія» и «Начала философіи». — Поѣздки во Францію.		
VII. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.	73	
Отдѣленіе Регіуса. — Принцесса Елпсавета. — Переписка по этическимъ вопросамъ. — Королева Христина. — Переселеніе въ Швецію. — Смерть. — Характеристика Декарта. — Дальнѣйшія судьбы картезіанской философіи.		

Л и т е р а т у р а.

Полное собраніе сочиненій Декарта въ подлинникѣ издано Кузеномъ (11 том. 1824—26). На французскомъ языкѣ имѣется, кромѣ того, рядъ дешевыхъ изданій сочиненій Декарта, изъ которыхъ сравнительной популярностью пользуется изданіе Жюль-Симона, содержащее въ себѣ только философскія сочиненія: „Разсужденіе о методѣ“, „Размышленія“ (съ возраженіями различныхъ авторовъ и отвѣтами Декарта) и „О страстяхъ души“ (Paris. 1857). На русскомъ языкѣ имѣются два перевода „Разсужденія о методѣ“ — М. Скиады (Воронежъ, 1873) и Н. А. Любимова (Спб. 1886). Къ переводу проф. Любимова приложены поясненія, содержащія много біографическихъ подробностей, и изложеніе трактатовъ „О мірѣ“ и „О человѣкѣ“. Московское Психол. Общество приготовляетъ къ печати переводъ „Размышленій“ и первой (метафизической) части „Началъ философіи“.

Наиболѣе полная біографія Декарта издана еще въ 1691 г. Балье, имѣвшимъ въ своихъ рукахъ много неизданнаго рукописнаго матеріала: „Vie de M. Descartes“ (2 большихъ тома). Книга Балье представляетъ теперь бібліографическую рѣдкость и многимъ послѣдующимъ біографамъ приходилось пользоваться сокращеннымъ ея изданіемъ. Полное сочиненіе имѣется въ И. Публ. бібліотекѣ въ С.-Петербурѣ.

Кромѣ того мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

Foucher de Careil.—Oeuvres inédites de Descartes, 2 том. 1859—60.

Mahaffy.—Descartes (Blackwood's Philosophical Classics). 1884.

Bouillier.—Histoire de la philosophie Cartésienne, 2 том. 1854.

Windelband.—Geschichte der neueren Philosophie, I томъ. 1878.

Daniel.—Voyage du monde de Descartes, Nouv. éd. Paris. 1702.

Розенбергъ.—Очеркъ исторіи физики, пер. проф. Стѣнова, Ч. I и II.

Thomas.—La philosophie de Gassendi, Paris, 1889.

Фулге.—Декартъ, пер. подъ ред. проф. Грота. Москва, 1895.

I.

Дѣтство и отроческіе годы.

Семья.—Смерть матерп.—«Маленькій философъ».—Ла-Флешская коллегія.—Воспоминанія Декарта о школьных годахъ.—Жизнь въ Парижѣ.—Душевный переломъ.

Родъ Декартовъ принадлежалъ къ незнатному чиновному дворянству—такъ называемой noblesse de robe. Пополняя свои ряды отчасти представителями мелкаго дворянства, отчасти высшей буржуазіи, noblesse de robe держала въ описываемую эпоху въ своихъ рукахъ весь административный и судебный механизмъ Франціи. Непредставляя замкнутой касты, она благодаря наслѣдственности покупныхъ должностей и значенію, придававшемуся въ старой Франціи мелкимъ классовымъ перегородкамъ, превратилась въ особое сословіе и являлась едва ли не самымъ культурнымъ слоемъ старой Франціи: въ интересующую насъ эпоху, кромѣ Декарта, изъ нея вышли еще Фермать и Паскаль.

Самая семья Декартовъ не отличалась, однакоже, особенной интеллигентностью. На тайну происхожденія генія знакомство съ семьей великаго французскаго мыслителя совершенно не проливаетъ свѣта. Это была заурядная дворянская семья. Духовные интересы были здѣсь положительно слабы, и философъ въ родной своей семьѣ чувствовалъ себя совершенно чужимъ: его не понимали и считали выродкомъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ служить, тратилъ свое состояніе на опыты, не исполнялъ своей обязанности содѣйствовать продолженію рода. Наиболѣе обстоятельный изъ біографовъ Декарта, Балье, тщательно отмѣчающій всѣ добродѣтели его предковъ и родныхъ, можетъ поставить имъ въ заслугу только то, что они никогда не заключали неравныхъ браковъ, плодились, размножались и содѣйствовали приумноженію родового состоянія. Другая вѣтъ рода Декартовъ далеко не съ такимъ блескомъ поддерживала честь своего

дворянскаго имени: она впала въ такую бѣдность, что сдѣлана была попытка привлечь ее къ платежу поземельнаго налога *taille*, которымъ въ старой Франціи обложены были люди «подлаго званія». Та вѣтвь, изъ которой вышелъ философъ, никогда не подвергалась подобному униженію. Благодаря счастливымъ бракамъ, она владѣла обширными помѣстьями въ Турени, Бретани и Пуату и потому (такова была логика стараго порядка) никогда не платила поземельнаго налога.

Одинъ изъ представителей послѣдней вѣтви, Іоакимъ Декартъ, совѣтникъ бретанскаго парламента, женился на болѣзненной и слабогрудой Жаннѣ Брошаръ. Бракъ былъ «равный», но повидимому не особенно счастливый: молодой женщиной пришлось пережить тяжелыя потрясенія, съ которыми старшій братъ Декарта не нашелъ возможнымъ подробно познакомиться Балье и которымъ приписывали ея равную кончину. За шесть лѣтъ супружества Жанна родила мужу двоихъ дѣтей: мальчика и дѣвочку. На седьмомъ году, во время третьей беременности, у нея стала развиваться скоротечная чахотка. 31 марта 1596 года она въ маленькомъ городкѣ Ла-Гэ (*La-Haye*, въ Турени) разрѣшилась отъ бремени сыномъ и черезъ нѣсколько дней умерла. Родился слабый, хилый ребенокъ, которому врачи предсказывали раннюю смерть. Благодаря попеченіямъ кормилицы, здоровой нормандки, Ренэ остался живъ, но до двадцати лѣтъ короткій, сухой кашель и блѣдный цвѣтъ лица внушали опасенія за его жизнь.

Дѣтство свое Ренэ провелъ въ Турени, славившейся садами, плодородіемъ и мягкостью климата, но ни къ родной своей провинціи, ни—въ особености—къ ея обитателямъ онъ не выказывалъ вполнѣ довольствія большой привязанности. Дѣтство Ренэ повидимому не было богато счастливыми впечатлѣніями, и быть можетъ не безъ вліянія на это обстоятельство былъ тотъ фактъ, что отецъ его вскорѣ послѣ смерти первой жены ввелъ въ свой домъ новую хозяйку. Единственное свѣтлое воспоминаніе изъ дѣтскихъ лѣтъ было у Ренэ связано съ товарищемъ его игръ, маленькой дѣвочкой, страдавшей косоглазіемъ. Впослѣдствіи, выясняя вліяніе ассоціаціи идей на возникновеніе у насъ инстинктивныхъ симпатій и антипатій къ незнакомымъ людямъ, онъ говорилъ, что къ косымъ всегда питалъ особенную нѣжность. Непормальные отношенія, установившіяся между Ренэ и прочими членами семьи, лишили біографовъ возможности собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ его дѣтствѣ. Мы знаемъ только, что отецъ называлъ его своимъ «маленькимъ философомъ», изъ чего можно заключить, что пылливость его ума рано обратила на себя внима-

ніе. Ренэ было 8 лѣтъ, когда, не смотря на слабое здоровье, его рѣшили отдать въ школу. Было ли вызвано это рѣшеніе желаніемъ сбыть съ рукъ постылаго ребенка или же признаніемъ невозможности дать даровитому мальчику подходящую умственную пищу въ неособенно интеллигентной семьѣ, мы не знаемъ.

Около этого самаго времени Генрихъ IV, предпочитая имѣть іезуитовъ своими сторонниками, чѣмъ врагами, отмѣнилъ указъ парижскаго парламента 1594 объ изгнаніи іезуитовъ изъ Франціи, разрѣшилъ имъ вернуться въ королевство и повелѣлъ учредить въ городѣ Ла-Флешъ (въ Анжу) іезуитскую коллегію. Желая выказать ордену особенное вниманіе, король подарилъ коллегіи свой дворецъ въ Ла-Флешъ, обезпечилъ ее большими средствами и завѣщалъ послѣ смерти перенести въ церковь коллегіи свое сердце. Желаніе короля было исполнено раньше, чѣмъ вѣроятно онъ предполагалъ. Спустя 6 лѣтъ по возвращеніи во Францію іезуитовъ, Генрихъ IV былъ убитъ Равальякомъ, и въ 1610 г., когда Ренэ былъ въ 1-мъ философскомъ классѣ, состоялась печальная церемонія перенесенія въ Ла-Флешъ сердца популярнѣйшаго изъ французскихъ королей.

Обезпеченная большими матеріальными средствами, отданная въ руки дѣятельнаго ордена, коллегія въ Ла-Флешъ скоро сдѣлалась однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній Франціи. Орденъ всегда отводилъ видное мѣсто въ своей дѣятельности воспитанію юношества, и не имѣя недостатка въ ученихъ и талантливыхъ людяхъ, тщательно выбиралъ учителей для своихъ школъ. Дѣятельность іезуитовъ на политическомъ поприщѣ, положеніе, занятое ими здѣсь въ качествѣ боевого авангарда католической реакціи, до сихъ поръ не позволяютъ относиться справедливо къ заслугамъ ихъ въ области школьнаго дѣла. Между тѣмъ заслуги ихъ въ этой области несомнѣнны и крупны. Современники, даже не раздѣлявшіе политическихъ и религіозныхъ убѣжденій іезуитовъ, восторгались ихъ школами; Бэконъ ставилъ іезуитскія школы въ образецъ педагогамъ своего времени. Тѣневые стороны іезуитской педагогики общеизвѣстны: мелочной, полицейскій надзоръ за жизнью и чтеніемъ учащихся, разжиганіе ихъ самолюбія распредѣленіемъ ихъ по рядамъ, отмѣтками и наградами, поощреніе внѣшняго благочестія, развивавшее въ дѣтихъ ханжество и лицемеріе — все это были приемы, вредно отзывавшіеся на нравственности дѣтей. Но справедливость обязываетъ насъ замѣтить, что рядомъ съ тѣневыми сторонами существовали въ іезуитской школѣ и симпатичныя, представлявшія прогрессивное явленіе въ области школьнаго дѣла.

Крупной заслугой іезуитовъ было то, что они сдѣлали среднее образованіе бесплатнымъ и общедоступнымъ. Бесплатность обученія предписана была знаменитымъ школьнымъ уставомъ (*Ratio studiorum*), составленнымъ въ 1599 году, и предписаніе это соблюдалось такъ строго, что когда пѣкоторые правительства, руководимыя узкими классовыми интересами, пытались заставить іезуитовъ ввести плату за обученіе, они закрывали свои коллегіи. Іезуиты не дѣлали также изъятій для «дѣтей лакеевъ и кухарокъ»; будущій «комедіантъ» Мольеръ сидѣлъ у нихъ на одной партѣ съ прищепою крови Конти и пользовался одинаковымъ съ нимъ вниманіемъ со стороны учителей. Уже много лѣтъ спустя по выходѣ изъ школы, Декартъ въ письмѣ къ другу, просившему у него совѣта относительно воспитанія сына, съ большимъ уваженіемъ отзывался о своихъ учителяхъ и указывалъ на «равенство, которое они устанавливають, одинаково обращаясь съ знатными и простыми». Декартъ справедливо указываетъ, что такое соединеніе въ школѣ дѣтей различныхъ общественныхъ группъ имѣетъ важное педагогическое значеніе: «получается такая смѣсь характеровъ, что черезъ сношенія и разговоры между собою дѣти научаются почти столько же, сколько научились бы, если бы путешествовали». Точно также не дѣлалось никакихъ ограниченій по отношенію къ иновѣрцамъ. Іезуиты высоко цѣнили сближающее вліяніе школы, старались привлечь въ нее иновѣрцевъ, и требуя отъ своихъ воспитанниковъ-католиковъ строгаго соблюденія регламента, дѣлали исключеніе въ пользу дѣтей иновѣрцевъ, когда того требовали ихъ родители.

Іезуитамъ принадлежитъ другая еще важная реформа въ области школьнаго дѣла: они сдѣлали преподаваніе свѣтскимъ. Внушая своимъ питомцамъ убѣжденіе, что въ религіозныхъ вопросахъ они должны безпрекословно слѣдовать авторитету своихъ духовныхъ руководителей, они перенесли богословскіе предметы въ спеціальныя классы, предназначенныя для подготовки будущихъ богослововъ, а въ общихъ классахъ ограничивались коротенькимъ катехизисомъ. Каковы бы ни были мотивы, побудившіе ихъ осуществить эту важную реформу, не подлежитъ сомнѣнію, что она была въ духѣ времени, и что свѣтскій характеръ преподаванія болѣе соотвѣтствовалъ потребностямъ дѣтей, чѣмъ практиковавшееся въ другихъ школахъ того времени забиваніе дѣтскихъ головъ богословскими тонкостями.

Тѣмъ не менѣе программа школы была неудовлетворительна. Въ основу преподаванія были положены классическіе языки, ла-

тинскій и греческій (что въ XVI вѣкѣ, только что пережившемъ эпоху гуманизма, было послѣднимъ словомъ педагогiи). Цѣлью преподаванiя ставилось научить учениковъ свободно говорить и писать на латинскомъ — тогда международномъ научномъ языкѣ. Преподаванiе носило преимущественно грамматическiй характеръ. Родной языкъ былъ въ пренебреженiи. Декартъ въслѣдствiи смущенно оправдывался передъ Мерсенномъ въ многочисленныхъ орфографическихъ ошибкахъ «Диоптрики» и шутя выражалъ надежду, что никто не будетъ учиться французскому правописанiю по книгѣ, напечатанной въ Лейденѣ иностранцами. Ариметика въ низшихъ классахъ, по предписанiю устава, должна была преподаваться шутя, между дѣломъ, но втеченіе восьми лѣтъ проходилъ полный курсъ математики. Прочіе предметы сваливались въ одну кучу подъ общимъ наименованiемъ «эрудиціи». «Эрудиція» представляла курьезную смѣсь обрывковъ изъ самыхъ разнородныхъ областей вѣдѣнiя: въ нее входили: «разсказы изъ исторiи, правы различныхъ народовъ, іероглифы, эмблемы, эпиграммы, эпитафiи, кое-что о римскомъ и афинскомъ сенатѣ, о военномъ дѣлѣ у грековъ и римлянъ, о сивиллахъ, о триумфѣ, о садоводствѣ, пифагорейскіе символы, пословицы и сравненiя, любопытныя исторiи, изреченiя оракула и *другое въ томъ же родѣ*»... «Эрудиціи» іезуитская школа съ полной откровенностью ставила исполнѣ опредѣленныя задачи. Не давая сколько нибудь солидныхъ знанiй, она должна была дать знанiя показныя, при помощи которыхъ можно было бы придать научный обликъ свѣтскому разговору, щегольнуть ученостью въ проповѣди. На развитіе краснорѣчiя іезуитская школа обращала усиленное вниманіе, и въ этихъ видахъ часто устраивались между учениками словесные турниры.

Реальныхъ знанiй іезуитская школа, такимъ образомъ, не давала. Она ставила себѣ цѣлью, какъ и современная школа, только механическую «гимнастику ума». Но этотъ отрицательный результатъ покупался несравненно менѣе дорогой цѣной. Переутомленiя учащихся, той эпидемiи певрозовъ, которая вырываетъ теперь столько жертвъ изъ молодежи еще прежде, чѣмъ она вступаетъ въ жизнь, іезуитская школа не знала. Уставъ обращалъ серьезное вниманіе на физическое здоровье учащихся. Занятiя продолжались не болѣе пяти часовъ въ день, при чемъ классный день дѣлился на двѣ половины, отдѣленные промежуткомъ въ 3½ часа. Всѣ уроки обязательно разучивались въ классѣ. Для слабыхъ здоровьемъ учениковъ дѣлались льготы. Декарту, въ виду слабого его здоровья, раз-

рѣшено было оставаться въ постели до поздняго часу и опъ постигалъ только уроки послѣбѣдненные. Привычку поздно лежать въ постели Декартъ усвоилъ себѣ на всю жизнь, и считалъ тѣ часы, которые онъ проводилъ, по пробужденіи, размышляя въ постели, лучшими часами своей умственной работы. Обращая серьезное вниманіе на развитіе памяти у учащихся, уставъ категорически запрещалъ задавать выучивать наизусть болѣе 4 строкъ заразъ въ низшихъ классахъ, болѣе семи—въ высшихъ. Излишнее обремененіе учащихся кромѣ того предупреждалось введенной въ іезуитскихъ школахъ классной системой преподаванія: всѣ предметы класса велись однимъ учителемъ.

Заучиваніе наизусть «не болѣе четырехъ строкъ», разучиваніе уроковъ въ классѣ при пяти часахъ занятій въ день, предоставленіе остального времени играмъ, фехтованію и танцамъ;—все это вызоветъ, вѣроятно, презрительную улыбку на лицахъ нѣкоторыхъ современныхъ педагоговъ, питающихъ органическую ненависть къ «лѣтностямъ», играющимъ вмѣсто того, чтобы заткнувши уши сидѣть за книжкой. Со стороны же педантовъ XVI и XVII вѣка педагогическіе приемы іезуитовъ вызвали единоподушный вопль негодованія. Всѣ они въ одинъ голосъ кричали, что іезуитская школа развращаетъ юношество легкостью преподаванія; настоящую школу казалась имъ—каторга, искалѣчивающая дѣтей умственно и физически, тогда какъ изъ іезуитскихъ коллегій выходили здоровые, полные силъ молодые люди. Зато среди родителей и учащихся іезуитская школа пользовалась популярностью, какой съ тѣхъ поръ не знала средняя школа. Популярности ея въ значительной степени католическая церковь обязана восстановленіемъ своего вліянія во многихъ мѣстностяхъ, утраченныхъ было въ эпоху реформацій.

Какъ бы то ни было, программы были неудовлетворительны и знаній школа не давала. Грамматики латинская и греческая не давали пищи дѣтскому уму и не удовлетворяли его любознательности. Точно также не давали отвѣта на занимавшіе учениковъ вопросы и высшіе «философскіе» классы, въ которыхъ преподаваніе носило университетскій характеръ: здѣсь закапчивалась математика, проходила метафизика и философія собственно, подъ которой въ описываемую эпоху понимались естественныя науки и физика. Но здѣсь неудовлетворительность преподаванія зависѣла не столько отъ программы, сколько отъ состоянія науки въ данную эпоху. Блестящее научное движеніе, которому суждено было составить славу XVII вѣка, еще только начиналось, и одинъ изъ создателей новой науки сидѣлъ

еще на школьной скамьѣ въ ла-фленской коллегіи. Достигнутые уже научные успѣхи не стали еще общепризнанными истинами, и къ важнѣйшему научному приобрѣтенію эпохи—ученію Коперника—даже такіе выдающіеся умы, какъ Бэконъ, относились съ насмѣшкой. Въ школѣ царил а схоластика. Давно уже переставшая соответствовать умственному уровню эпохи, она доживала послѣдніе дни. Разладъ между жизнью и школой, отставшей отъ нея на нѣсколько столѣтій, никогда не проходитъ безнаказанно: преподаваніе становится формальнымъ и утрачивается способность вліять на умы. Тѣ самыя положенія, которыя нѣкогда Абсларъ съ воодушевленіемъ развивалъ передъ тысячами учениковъ, стекавшихся къ нему изъ всѣхъ странъ не ради карьеры, не ради связанныхъ съ дипломомъ чиновъ и теплыхъ мѣстечекъ, а потому что въ кажущихся намъ теперь столь смѣшными «здѣшностяхъ» и «всегдашностяхъ» они искали и—находили отвѣтъ на мучившіе ихъ вопросы, эти самыя положенія теперь равнодушно излагались плохо вѣрившими въ нихъ людьми, излагались потому, что того требовала программа. Въ школѣ создавалась атмосфера апатіи, равнодушія и неудовлетворенности.

Въ 1612 году Декартъ окончилъ школу. Онъ провелъ въ ней восемь съ половиной лѣтъ, и плоды его занятій, какъ онъ самъ сообщаетъ, были таковы:

„Я полагалъ, что достаточно уже отдалъ времени языкамъ, а также чтенію древнихъ книгъ съ ихъ исторіями и вымыслами. Бесѣдовать съ писателями другихъ вѣковъ то же, что путешествовать. Хорошо въ извѣстной мѣрѣ познакомиться съ нравами разныхъ народовъ, дабы болѣе здраво судить о нашихъ и не считать смѣшнымъ и неразумнымъ всего, что несогласно съ нашими модами, какъ перѣдко дѣлаютъ люди ничего не видавшіе. Но если слишкомъ долго путешествовать, то можно сдѣлаться чужимъ своей сторонѣ, и кто слишкомъ интересуется дѣлами прошлыхъ вѣковъ, обыкновенно становится несвѣдущимъ въ томъ, что происходитъ въ его вѣкѣ... Я высоко почиталъ краснорѣчіе и былъ влюбленъ въ поэзію, но полагалъ, что это болѣе дарованіе ума, чѣмъ плодъ ученія. Тѣ, чье разумѣніе сильнѣе и кто лучше располагаютъ мысли, такъ что онѣ становятся ясными и понятными, всегда лучше, чѣмъ другіе, могутъ убѣдить въ предлагаемомъ, хотя бы говорили по ниже-брегонски и никогда не учились риторикѣ. А тѣ, кто одарены привлекательностью изобретенія и способны выражаться съ прелестью и изяществомъ, будутъ наилучшими поэтами, хотя бы искусство поэзіи имъ не было знакомо... Я читалъ наше богословіе и не менѣе кого либо другого разсчитывалъ обрѣсти путь въ небо. Но узнать, какъ вещь вполне достоверную, что путь этотъ трудно открыть невѣдующимъ, какъ и ученѣйшимъ, и что откровенныя истины, къ нему ведущія, выше нашего разумѣнія, я не осмѣливался подвергать ихъ слабости

моего разсужденія и думалъ, что дабы предпринять ихъ изслѣдованіе и успѣть въ томъ, надлежитъ получить чрезвычайную помощь свыше и быть болѣе, чѣмъ человекомъ. О философіи скажу одно. Видя, что она отъ многихъ мѣковъ разрабатывается превосходнѣйшими умами и, не смотря на то, итъ въ ней положенія, которое не было бы предметомъ споровъ и слѣдовательно не было бы сомнительнымъ, я не нашелъ въ себѣ столько самоуверенности, чтобы надѣяться на большой успѣхъ, чѣмъ другіе. И принимая въ соображеніе, сколько относительно одного и того же предмета можетъ быть разныхъ мнѣній, способныхъ быть поддержанными учеными людьми, тогда какъ истиннымъ необходимо должно быть какое-нибудь одно изъ нихъ, я сталъ все, что представлялось мнѣ не болѣе какъ правдоподобнымъ, считать за ложное“.

Одна математика ему «особенно нравилась вѣрностью и очевидностью разсужденій», и Декартъ «удивлялся, какъ на столь прочномъ и крѣпкомъ фундаментѣ не воздвигнуто что либо болѣе возвышенное, чѣмъ механическія искусства».

Еще грустнѣе звучатъ слова, въ которыхъ Декартъ подводитъ общій итогъ своимъ школьнымъ годамъ:

„Я съ дѣтства былъ вскормленъ на книжномъ знаніи, и такъ какъ меня уверяли, что помощью его можно получить ясное и твердое познаніе всего полезнаго для жизни, то я имѣлъ чрезвычайное желаніе пріобрѣсти его. Но какъ только кончилъ я курсъ ученія, завершаемый обыкновенно принятіемъ въ ряды ученыхъ, я совершенно перемѣнилъ мнѣніе, ибо очутился такъ запутаннымъ въ сомнѣніяхъ и заблужденіяхъ, что стараніемъ моимъ въ ученіи достигъ, казалось, одного: болѣе и болѣе убѣждаться въ моемъ нецѣлѣи. А между тѣмъ я учился въ одной изъ славнѣйшихъ школъ въ Европѣ и полагалъ, что если есть на землѣ гдѣ нибудь ученые люди, то именно тамъ должны быть таковыя. Я научалъ тамъ все, что изучали другіе, и не довольствуясь преподаваемыми свѣдѣніями, пробѣждалъ все попавшіяся мнѣ подъ руку книги, гдѣ трактуются свѣдѣнія любопытнѣйшія и наиболѣе рѣдкія. Выбѣсть съ тѣмъ я зналъ, какъ думаютъ обо мнѣ другіе, и не видѣлъ, чтобы меня считали ниже товарищей, хотя нѣкоторые между ними назначались уже къ занятію мѣстъ нашихъ пастырей. Наконецъ, вѣкъ нашъ казался казался мнѣ цвѣтущимъ и обильнымъ высокими умами не менѣе каковаго либо изъ сего предшествовавшихъ. Все это дало мнѣ смѣлость по себѣ заключать и о всѣхъ другихъ и думать, что такого знанія, какимъ меня первоначально обнадеживали, итъ въ мірѣ“.

Приведенныя строки написаны Декартомъ много лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ оставилъ школу, и мотивировка ихъ носитъ на себѣ печать здраваго смысла и умѣренности, характеризующей зрѣлый періодъ его творчества. Не подлежитъ однако же сомнѣнію, что онъ точно передаютъ душевное состояніе Декарта въ эпоху